

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК

Выпуск 1

КОММУНИКАТИВНЫЕ СИСТЕМЫ ЖИВОТНЫХ И ЯЗЫК ЧЕЛОВЕКА
ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

Составители:

А. Д. Кошелев

Т. В. Черниговская

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 28
Р 17

Р 17 Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 416 с., ил.

ISBN 978-5-5-9551-0299-8

Сборник содержит расширенные тексты докладов участников Круглого стола «Коммуникация человека и животных: Взгляд лингвиста и биолога» (Москва, 2007 г.). Ряд статей посвящен обсуждению известных и новых результатов по обучению антропоидов «языкам-посредникам» и сопоставительному анализу «языка “говорящих” антропоидов» как с языком человека, так и с развитыми коммуникативными системами животных (пчел, зеленых мартышек, муравьев и др.), анализу орудийной деятельности и коммуникации шимпанзе в естественных условиях. Смежный круг тем включает: когнитивные модели и механизмы функционирования языка и мышления человека, влияние различных факторов на усвоение ребенком родного языка, выявление уникальных, присущих только человеку составляющих этих механизмов (рекурсивные процедуры, многоуровневые иерархические структуры знаний, специфика высших психических функций, универсальный характер человеческого языка как коммуникативной системы и пр.). Еще одна важная тема — эволюция сигнальных и зоосемиотических систем животных, возможности преобразования их в «настоящий» человеческий язык, обсуждение критериев, характеризующих такой язык.

Сборник адресован лингвистам, психологам, биологам и всем, кого интересует круг наук о человеке.

ББК 28

*В оформлении переплета с любезного разрешения Д. Рамбо
использована фотография «Шимпанзе Ньюта оперирует лексиграммami»*

ISBN 978-5-5-9551-0299-8

© Авторы, 2008

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2008

А. Д. Кошелев

О ЯЗЫКЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

(ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ)

Предлагается единообразный подход к определению некоторых основных понятий психолингвистики, таких как «концепт», «ментальная репрезентация», «значение», «коммуникация» и др.

1. Исходные положения. В 50—60-е годы прошлого века, в эпоху «бури и натиска», проходившую под знаком применения математических методов в гуманитарных науках (в лингвистике, стиховедении, психологии и др.), был широко распространен следующий тезис: «Каждая область знаний является наукой в той мере, в какой она использует математику». Позднее, когда ожидаемых плодов применение математических методов не принесло, было осознано, что прежде всего необходимо иметь адекватные содержательные модели изучаемых явлений. Только в этом случае применение формальных методов будет результативным.

Но для построения адекватных моделей необходимо выработать адекватную предмету исследования систему понятий и терминов. Поэтому сегодня взамен прежнего тезиса можно было бы предложить такой тезис: «Всякая область знаний является наукой в той мере, в какой она пользуется собственным языком». Под языком здесь понимается единая и общепринятая система понятий и терминов.

Если обратить этот тезис к психолингвистике, то можно констатировать, что она является наукой в небольшой мере, поскольку собственного языка, подобного языку математики или химии, она не имеет.

Наша цель — дать самую предварительную версию некоторых основных понятий когнитивной лингвистики: «концепт», «концептуальная система», «ментальная репрезентация», «концептуальное мышление», «языковой знак», «языковое значение», «референт», «коммуникация», «языковое мышление» и др.

Одна из главных трудностей на пути построения базовых понятий любого специального языка — это осознание необходимости отказаться от употребления в качестве терминов слов естественного языка в их обыденных, не уточненных значениях. Часто эти значения кажутся совершенно понятными, не требующими никакого дополнительного истолкования. Однако простой анализ показывает, что, интуитивно хорошо понимая их смысл, носитель языка (и даже лингвист-лексикограф), как правило, не способен ясно и точно определить этот смысл.

Рассмотрим в качестве примера такое определение: «коммуникация — это передача информации от говорящего (источника) к слушающему (приемнику) посредством некоторого набора символов или знаков». Казалось бы, вполне ясное определение. Но зададимся вопросом: о какой информации идет речь? Если это термин теории информации Шеннона — Колмогорова, то здесь все ясно: речь идет о передаче последовательности битов (нулей и единиц). Ну а если речь идет о коммуникации посредством естественного языка? Что в таком случае называется информацией? Смысл или значение фразы, сказанной говорящим и воспринятой слушателем? Но что такое смысл или что такое языковое значение — до сих пор неясно. В лингвистике нет точных и общепринятых определений. Одно из самых известных определений — «смысл фразы это инвариант ее синонимических преобразований» — в данном случае мало что может разъяснить. Итак, кроме туманного пояснения, что информация — это некоторое содержание, мы более ничего добавить не можем.

Не меньше проблем и со словом *передается*. Ведь, в отличие от шенноновской информации, которая действительно передается, здесь реально передается (и воспринимается) только звуковой образ фразы, а остальная «информация» реконструируется слушателем.

Из сказанного понятно, что строгое определение акта коммуникации предполагает такую же ясность, какая имеет место при передаче шенноновской информации. Ниже мы предлагаем вариант такого определения (конечно, единицы информации будут в нем гораздо сложнее битов).

Другой пример. В когнитивной психологии одним из важных показателей социального развития ребенка — его представлений о мнениях других людей (Theory of mind) — служит появление у него способности к обману. В психологической литературе обыденное слово *обман* используется в качестве термина, и как правило, без каких-либо уточнений и разъяснений его значения. Между тем такие разъяснения необходимы, поскольку это значение весьма неопределенно. В самом деле: обман может быть вольным и невольным. Является ли последний случай обманом? Если в разговоре двух приятельниц одна неискренне говорит другой *У тебя очаровательное платье!*, будет ли это обманом в общепринятом смысле? А случаи хитрости, подхалимажа, притворства?

К обману способны не только люди, но и высшие животные, например, шимпанзе. Вот хрестоматийный пример обмана из [Гудолл 1992: 588] (с участием доминантного самца Голиафа и подчиненного самца Дэвида Седобородого):

Однажды, когда Голиаф сидел и ел мясо, его начал усердно обыскивать Дэвид Седобородый; через несколько минут, продолжая одной рукой обыскивание, вторую руку он осторожно стал приближать к упавшему кусочку мяса. Завладев добычей, Дэвид тотчас же прекратил груминг и ушел, чтобы съесть мясо.

А вот другой пример (с участием молодого самца по имени Фиган):

⟨Фиган⟩ заметил всеми забытый банан, висевший прямо над головой высокопоставленного самца Голиафа, который сидел под деревом и мирно занимался обыскиванием. Поглядев на Голиафа, Фиган отошел в сторону и следующие полчаса провел в таком месте, откуда банана ему не было видно ⟨он понимал, что Голиаф мог проследить за его взглядом. — А. К.⟩. Как только Голиаф ушел, Фиган спокойно вернулся и завладел добычей [Там же: 591].

Следует ли трактовать действия Фигана как обманные? Как мы видим, необходимо строгое определение термина *обман*, чтобы иметь критерий для разделения обманных и не обманных действий. Вариант такого определения см., напр., в [Кошелев 2008a].

Уточним стоящую перед нами задачу. Поскольку «конечной целью описания языка в рамках когнитивной лингвистики является установление соответствий между языком и когнитивным представлением» [Кибрик 2003: 51; разрядка автора]), необходимо будет, с одной стороны, определить содержание и структуру когнитивных представлений (концептов и их конфигураций), а с другой стороны, объяснить, как языковые знаки посредством своих значений обеспечивают эксплицитное описание этих когнитивных представлений.

Особое внимание будет уделено человеческим концептам — когнитивным единицам, задающим базовую категоризацию воспринимаемого мира: систему категорий ментальных объектов (предметов, живых существ, мест и пр.), благодаря которой перцептивные ощущения человека — «беспорядочная смесь расплывающихся образов и сливающихся в монотонный гул звуков» (так писал о восприятии ребенка американский психолог рубежа XX века У. Джеймс) — превращается в совокупность конкретных объектов, составляющих окружающий его мир. Этот мир ментальных предметов мы далее будем называть **ментальной репрезентацией**, или **жизненным миром** человека.

Стремясь к максимальной ясности изложения, мы постараемся избегать общих определений и все необходимые понятия будем вводить на конкретных примерах.

2. Концепт. В когнитивной лингвистике концептом обычно называют единицу структурированного знания. Однако более конкретного общепринятого определения концепта пока нет¹. В рамках традиции, связанной с именами

¹ В [Демьянков 2007: 27] тонко подмечено различие терминов *концепт* и *значение* (*понятие*), отвечающее традиции их использования: «О *понятиях* люди договариваются, **конструируя** их для того, чтобы „иметь общий язык“ при обсуждении проблем. *Концепты* же существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью (не) уверенности» (выделено автором). См. также анализ термина *концепт* в других статьях

Э. Рош, Б. Берлина, П. Экмана, Дж. Лакоффа и др., принято считать, что концепты задают первичные, или базовые категории мира. Так, Дж. Лакофф считает, что в основе «концептов базового уровня», задающих родовые категории (“стул”, “собака”, “забор”) лежит целостный образ, или гештальт (подробнее см. в п. 4).

Согласно другой традиции, в основе базовых концептов человека (ребенка) лежит двухкомпонентная структура «форма—функция». Так, обсуждая «различия процессов категоризации у младенцев и взрослых», Е. А. Сергиенко подчеркивает, что они «обусловлены не особенностями принципов младенческой категоризации, эти принципы общие: форма—функция [Mervis, 1987; Rakison 2000]» [Сергиенко 2006: 228]. Ср, также:

Младенцы 3—4 мес. ... демонстрируют способность к категоризации на базовом уровне для многих типов зрительных объектов: человеческие лица, кошки, собаки, лошади, птицы, геометрические фигуры. Механизмом такой ранней категоризации становится прототип. Фундаментальные характеристики, лежащие в основе прототипа и их отношений (форма, функции, фигуративные компоненты, движение), широко дискутируются в настоящее время и остаются еще неясными [Сергиенко 2008: см. наст. изд].

В предлагаемом нами определении базового концепта учтены обе упомянутые традиции. Во-первых, главную функцию концепта (как единицы структурированного знания) мы видим в задании самостоятельной базовой категории — класса сходных элементов жизненного мира человека: конкретных предметов, мест, веществ, или класса отношений, связывающих эти предметы ($\langle X$ далеко / близко к Y -у), $\langle X$ опирается на Y) и под.). Во-вторых, базовый концепт мы определяем как двухкомпонентную структуру, содержащую как образную, так и функциональную составляющую. Итак, **Концептом** мы будем называть пару когнитивных единиц

(1) Концепт = прототипический Образ \leftarrow антропоцентрическая Характеристика,

связанных отношением интерпретации (\leftarrow), указывающим, что Образ является носителем Характеристики. Тем самым базовый концепт задает класс единиц жизненного мира человека (осмысленных картинок), сходных по двум параметрам: Образу (картинке) и Характеристике (ее осмыслению).

Прототипический Образ (гештальт) задает «объективную» составляющую элементов категории, доступную перцептивной идентификации: форму, плотность, структуру и под. Антропоцентрическая Характеристика, или человеческая интерпретация, приписываемая Образу, фиксирует «субъективную» со-

данного сборника, в частности, в [Кубрякова 2007], см. также [Степанов 2007], [Попова, Стернин 2002].

ставляющую элементов категории — свойства, значимые для человека и его нужд. Она указывает возможные (желательные и нежелательные) виды взаимодействия с этим Образом, его полезность, эмоциональную оценку, и под. Тем самым Образ становится элементом человеческой категоризации мира¹.

Как свидетельствуют многочисленные исследования восприятия младенцев, Образ (гештальт) хронологически первичен. Его антропоцентрическая Характеристика вырастает из аффективной характеристики. Л. С. Выготский отмечал: «... от каждого предмета исходит как бы аффект, притягательный или отталкивающий, побуждающая мотивация к ребенку ... Как образно говорил Левин, лестница манит ребенка, чтобы он по ней пошел; дверь — чтобы он закрыл ее или открыл; колокольчик — чтобы он в него позвонил ... Словом, каждая вещь имеет аффективную валентность для ребенка ... провоцирует его деятельность, т. е. направляет его» [Выготский 2005: 134—135].

Итак, элементы категории (= единицы жизненного мира), задаваемые концептом, обладают двумя качествами: прототипический Образ отражает их воспринимаемые свойства, т. е. свойства внешнего мира, внеположного человеку, а антропоцентрическая Характеристика — свойства, относящиеся к внутреннему миру человека. Они придают осмысленность образной составляющей — указывают ее место в человеческом мире.

Замечание. Определение (1) концепта является естественным развитием структуры «форма — функция». От понятия *функция* (\approx 'основной вид деятельности') необходимо отказаться. Во-первых, оно весьма сложное, достаточно абстрактное и чисто языковое, поэтому не пригодно для объяснения простых концептов, возникающих у младенцев (не знающих, ни что такое артефакт, ни какие действия объектов являются основными). Во-вторых, оно слишком узко и не включает, к примеру, такое значимое для человека свойство объекта, как опасность / безопасность. В-третьих, оно неприложимо к природным объектам и живым существам (камень, озеро, ворона).

Для иллюстрации категориальной функции базовых концептов рассмотрим воспринимаемую человеком картинку «ворона на заборе». Определим сначала базовые концепты, участвующие в распознавании воспринимаемого изображения (визуального ощущения) и превращении его в осмысленную картинку (везде далее концепты и концептуальные отношения между ними заключаются в двойные кавычки).

¹ В сущности, нам не столь уж важно, какой термин выбрать: *гештальты*, *прототипы* Э. Рош, гибсоновские *инварианты оптического потока* [Гибсон 1988] или найсеровские *предвосхищающие схемы* [Найсер 1981]. Главное, чтобы он называл инвариант (= общую часть) перцептивно схожих признаков воспринимаемого явления.

- (2) Концепт “ворона” = прототипический Образ: «типичный внешний вид вороны (неподвижной, летящей, идущей по земле и т. д.)» ← антропоцентрическая Характеристика: ≈ ‘живое существо, способное самопроизвольно перемещаться по воздуху (птица), не опасное; живет вблизи человека, его трудно поймать’¹;
- (3) концепт “забор” = прототипический Образ «типичный вид забора из штатетника» ← его антропоцентрическая Характеристика: ≈ ‘сооруженное человеком препятствие для людей и крупных животных, желающих пройти на огражденную территорию; сквозь него видна внутренняя территория, через него легко перелезть, но его нельзя обойти (чтобы попасть внутрь)’.
- (4) Концептуальное отношение ⟨птица “X” СИДЕТЬ НА предмет “Y”⟩ = прототипический Образ: «птица X находится над предметом Y и контактирует своей нижней частью с его верхней частью, находясь в сниженном положении («присев»)» ← антропоцентрическая Характеристика: ≈ ‘предмет Y удерживает птицу X от падения вниз, причем X находится в довольно устойчивой позе’.

Отношение (4) фиксирует специфику положения сидящей птицы, подробнее об этом см. сноску в п. 5.

3. Концептуальная система и концептуальный мир. Множество таких концептуальных единиц (концептов и отношений), а также их обобщений, сохраняющих двухкомпонентную структуру (1), мы будем называть **концептуальной системой** человека. Это — набор базовых категорий, на основе которых формируется жизненный мир человека — предметная картина окружающей его действительности.

Так, именно благодаря концептам (2)—(4) человек видит в первичном изображении (перцептивном впечатлении) «ворона на заборе», лишенном образов и смыслов («беспорядочной смеси расплывающихся образов» по У. Джеймсу), структурированную и содержательную картинку. Это изображение, во-первых, дифференцируется на конкретные мысленные образы «забор» и «ворона»,

¹ Мы описываем антропоцентрические характеристики на естественном языке, но сами они суть невербальные когнитивные единицы. Так, у младенцев подобные интерпретации появляются очень рано, до начала усвоения языка. К примеру, в 7—8 месяцев они способны различать пространственные образы, их предметность, постоянство размеров; «у младенцев складывается самое общее представление о живых существах, их отличии от движущихся механизмов, а в 9 месяцев они начинают отличать птиц от самолетов» [Крайг, Бокум 2007: 242, 255; см. также Сергиенко 2006: 228, 287]. В это время младенцы уже понимают роль опоры для предмета и неизбежность падения предмета, лишившегося опоры (см., напр., [Би 2004: 243]). Возможно, когнитивные единицы, подобные концептам, присущи и животным: птица не садится на слишком тонкие ветки, но садится на провода; кошка обходит лужу и т. д.

между которыми устанавливается образное отношение (образ «ворона» контактирует с образом «забор»), а во-вторых, возникающие мысленные образы и отношение получают осмысление — становятся понятными для человека. Образу «забор» он приписал конкретную характеристику ‘препятствие для людей ...’, образу «ворона» — характеристику ‘живое существо, способное летать ...’, а образному отношению — характеристику ‘забор удерживает ворону от падения вниз ...’.

Заметим, что, если опознание образа по Образу-прототипу не требует привлечения контекста, то для приписывания распознанному образу конкретной характеристики (по общей Характеристике) контекст необходим. Если, к примеру, человек висит на турнике, лишь касаясь ногами земли, его образный контакт с землей будет соответствовать концептуальному отношению “опираться на”, а характеристика — нет, поэтому в данном случае будет выбрано концептуальное отношение “касаться”.

В результате многократного опознания конкретных образов (по Образу-прототипу) и их интерпретации (по Характеристике), в памяти человека накапливаются классы реальных образов (фрагментов жизненного мира), связанных со своими концептами:

- (2') концепт “забор” — {осмысленные картинки реальных заборов},
- (3') концепт “ворона” — {осмысленные картинки реальных ворон},
- (4') концепт “птица сидеть на” — {осмысленные картинки сидящих птиц}.

Итак, жизненную ситуацию (= осмысленную картинку) «ворона на заборе» формирует (или «выявляет») следующая **концептуальная ситуация**:

(А) <“ворона” — “СИДЕТЬ НА” — “забор”>.

Здесь угловыми скобками и заглавными буквами обозначено концептуальное отношение. Иначе говоря, концептуальная ситуация — это посредник между человеком и его внешними стимулами (перцептивными впечатлениями), «очки», которые позволяют близорукому человеку ясно и четко видеть окружающий мир. Итак, воспринимаемая нами жизненная ситуация «ворона на заборе» — это на самом деле пара: концептуальная ситуация (А) — жизненная ситуация «ворона на заборе».

Совокупность концептуальных ситуаций, формирующих («выявляющих») текущий жизненный мир человека, мы будем называть его **концептуальным миром**. Последний строится из элементов концептуальной системы — набора базовых категорий (когнитивных объектов и отношений). Следовательно, и жизненный мир — это пара: концептуальный мир — жизненный мир.

4. Анализ определения базового концепта у Дж. Лакоффа. Дадим более подробное обоснование приведенного выше определения (1) концепта.

Рассмотрим применимость (1) к описанию естественных категорий. При этом мы будем опираться на подход Дж. Лакоффа, который считает, что естественную категоризацию по родам задают концепты, в основе которых лежит «целостный образ (гештальт)».

Со времени Аристотеля до поздних работ Витгенштейна категории рассматривались как ясные ... сущности ... Принималось, что вещи относятся к одной и той же категории, если и только если они имеют некоторые общие признаки ... И признаки, которые были у них общими, рассматривались как определяющие эту категорию <...> В поразительно короткое время все изменилось <...> появился новый подход к категориям, который Элеонора Рош назвала *теорией прототипов и категорий базового уровня* [Лакофф 2004: 21, 10; курсив автора].

Для пояснения сути нового подхода рассмотрим, как в нем определяются «концепты базового уровня», задающие категоризацию мира по родам: “яблоко”, “роза”, “собака”, “стул” и др. Занимая промежуточное положение между более общими, суперродовыми концептами: “фрукты”, “цветы”, “животные” и более частными — субродовыми (видами, сортами): “антоновка”, “чайная роза”, “лайка”, они, по мысли Дж. Лакоффа, являются тем не менее первичными, исходно понятными категориями, поскольку

опираются на опытные аспекты человеческой психологии: гештальтное восприятие, ментальную образность, двигательную активность ... уровень рода (который Берлин называл «народно-родовым уровнем») является, по всей видимости, психологически базовым <...> Вещи на этом уровне воспринимаются целостно, как единый гештальт, тогда как для идентификации на более низком уровне должны быть выбраны специфические признаки ... отличающие, например, один вид дуба от другого <...> вышестоящие категории не характеризуются образами или моторными действиями. <...> общий внешний вид является главным определителем базового уровня [Там же: 55, 56, 58, 78, 79]».

Итак, по мнению Лакоффа, «главным определителем» базового (родового) концепта является его целостный образ (гештальт). К примеру, образы собаки и кошки целостны и различны. У обобщающего их концепта “четвероногое животное” единого образа нет, а видовые концепты — породы собак: “лайка”, “фокстерьер”, “борзая” — различаются лишь «специфическими признаками».

Такое объяснение не выглядит полным. Во-первых, каждый видовой концепт — и “лайка”, и “фокстерьер”, и “борзая” — несомненно обладает не только специфическими признаками, но и собственным целостным образом, отличным от других образов. Поэтому неясно, почему эти категории являются видовыми, а не родовыми. Во-вторых, некоторые суперродовые концепты (например, семейства) имеют единый образ, охватывающий все входящие в семейство родовые концепты. Такой единый образ, к примеру, присущ всем классам семейства “кошачьих”, его родам (“кошка”, “рысь”, “тигр”), и видам каждого

рода (“сиамская кошка”, “персидская кошка” и пр.). В свете сказанного неясно также, в чем же в таком случае состоит столь явное различие между родами “кошка”, “рысь”, “тигр”? Ведь различие образов этих «базовых» концептов невелико и гораздо меньше бросается в глаза, чем различие внутривидовых образов тех же кошек: сиамской и персидской. Может быть, все дело в размерах (тигр гораздо больше рыси, а рысь — больше кошки)? Но у собак наблюдается аналогичное различие — дог гораздо больше таксы, однако это не меняет его родовой принадлежности: и дог, и такса принадлежат к одному родовому концепту “собака”.

На наш взгляд, главное различие между концептами “кошка”, “рысь” и “тигр” обусловлено чисто антропоцентрической характеристикой — тем местом в человеческом мире, которое занимают представители этих концептов. Все они — хищники, но если кошка охотится на мышей и для человека не опасна, то рысь уже представляет серьезную опасность (может напасть на человека) и вызывает страх. Тигр еще более опасен и может вызвать панический ужас (тем самым и поведение человека в отношении этих хищников весьма различно). Как мы видим, в данном случае увеличение размера животного меняет характер его взаимоотношений с человеком и его роль для человека. Для собак этого не происходит: их место в человеческом мире почти не зависит от их размера: и дог, и такса «функционально» однотипны. В частности, они не опасны для человека. Совершенно другое дело — волк. Его образ весьма близок к образу родового концепта “собака”, однако концепт “волк” — это не вид (порода собаки), а самостоятельный род, поскольку его место в мире человека качественно иное, отличное от места собаки.

Этот же антропоцентрический дифференцирующий принцип сохраняется и для других типов концептов, как суперродовых, так и субродовых. Меняется лишь масштаб антропоцентрической зоны, задаваемый концептом. Породы собак “лайка”, “фокстерьер”, “борзая” и др. суть более частные вариации общей функции родового концепта “собака”, т. е. занимают свои особые места в рамках общей роли собак. То же можно сказать и об австралийской собаке динго — она хоть и дикая, но на человека не нападает и считается «подвидом собаки». Классы “четвероногое животное”, “пресмыкающиеся”, “птицы”, “рыбы” отражают более крупный (чем родовые концепты) масштаб антропоцентрической классификации животного мира.

Итак, мы видим, что задаваемая концептом категория, будь то семейство, род или вид, возникает как единство двух независимых составляющих различной природы. Первая, структурная составляющая, манифестирующая внешний мир — это предмет (пространственно локализованная субстанция), обладающий целостным образом и занимающий определенную позицию в иерархии предметов. Вторая, антропоцентрическая составляющая — это характеристика

места (роли) предмета (элемента внешнего мира) в человеческом мире, включающая виды человеческого взаимодействия с этим предметом. В итоге, для предметных концептов получаем несколько расширенную модификацию определения (1):

(1') предметный концепт = Образ: «предметный образ (гештальт) + его положение в иерархии предметов» ← Характеристика: \approx 'возможности и опасности при взаимодействии с ним + место в человеческом мире'.

Здесь стрелка ← по-прежнему обозначает отношение интерпретации: элементу одной системы (мира) приписывается элемент совершенно иной системы (человеческих интенций).

Проиллюстрируем определение (1') примерами. Суперродовой концепт “фрукты” имеет обобщенный Образ (\approx округлая форма определенного размера), имеющий свою «ячейку» в структуре плодов (ягод, орехов, овощей) и единую Характеристику: фрукты служат отдельным видом пищи, занимающим свое, особое место (условно говоря, относится к десерту); их едят, главным образом, сырыми, помещая в рот непосредственно руками (в отличие от овощей). Родовые концепты “яблоко” и “груша” являются фруктами (положение в иерархии), имеют специфические предметные образы и занимают свои частные места во фруктовом десерте. Виды (сорта) яблок (“антоновка”, “белый налив”) дифференцируют область «яблочного» вкуса на еще более частные, но значимые для человека вкусовые качества.

Это рассуждение сохраняет силу и в отношении артефактных концептов. Родовые концепты “табурет”, “стул” и “кресло” являются единицами суперконцепта “мебель” (положение в иерархии). Они имеют общую Характеристику: ‘позволяют сидеть одному человеку’. Дифференциация этих концептов вызвана важными различиями в позе сидящего человека: собранная, не расслабленная, без опоры для спины и локтей (табурет), полураслабленная, с опорой только для спины или частично для спины (низкая спинка) и локтей (стул) и вполне расслабленная, позволяющая даже спать, сидя или полулежа — с полным набором опор для спины, локтей и головы (кресло). Эти различия обуславливают дифференциацию их применения: табурет используется для недолгого сидения (в привокзальных кафе, в барах и пр.), стул — для более длительного сидения, требующего внимания (за письменным столом, в кинотеатре и пр.), а кресло — для отдыха, сидения в расслабленной позе (в экскурсионных автобусах, самолетах, гостиницах, в кабинетах дантистов и пр.), см. также сноску в п. 7. Тем самым каждый концепт занимает свое локальное место в человеческой деятельности, связанной с сидячим положением. Сказанное верно и для других концептов: “цветы”, “озеро”, “море” и пр., см. [Кошелев 2006: 529, 545 и сл.].

Приведем примеры базовых концептов, иллюстрирующих общее определение (1’):

- (5) “стул” = Образ: «типичный внешний вид + элемент мебели» ←
Характеристика: ‘на нем можно сидеть, опираясь спиной в полурасслабленной позе; обычно используется при длительном сидении, требующем сосредоточенности’,
- (6) “банан” = Образ: «типичный внешний вид + висит на дереве» ←
Характеристика: ‘≈ плод, его можно есть, держа в руке; легкая, не основная еда, десерт’.

5. Языковое значение: природа и структура. Предположим, человек воспринял картинку «ворона на заборе» и описал фразой *На заборе сидит ворона*.

Следуя лингвистической теории И. А. Мельчука, смысл этой фразы можно записать так:

- (Б) ‘ворона’ — ‘СИДЕТЬ НА’ — ‘забор’.

Здесь и далее слова и выражения в семантических кавычках обозначают некоторое содержание. В данном случае — это значения (или смыслы, в терминологии Мельчука) соответствующих слов. Причем ‘ворона’ и ‘забор’ — это семантические имена, т. е. «смыслы, не имеющие аргументов», а ‘СИДЕТЬ НА’ — это предикат «смысл, имеющий аргументы (другие смыслы, которые он „связывает“) ... стрелки указывают ... предикатно-аргументные отношения» [Мельчук 1999: 52].

Естественно полагать, что назначение языка заключается в эксплицитном описании ментальной репрезентации мира, а это значит — в описании концептуального и жизненного миров человека. В таком случае функция языковой фразы заключается в **эксплицитном описании** концептуальных и жизненных ситуаций — в таком описании, которое позволяет носителю языка, воспринявшему данную фразу, реконструировать описываемую (или изоморфную ей) пару ситуаций. Так, по фразе *На заборе сидит ворона* и ее Смыслу (Б) должна реконструироваться ситуация

- (В) жизненная ситуация «ворона на заборе» — концептуальная ситуация (А), или ситуация, ей изоморфная.

Зададимся вопросом: каковы должны быть значения ‘ворона’, ‘забор’ и ‘СИДЕТЬ НА’ слов *ворона*, *забор* и предиката *сидеть на*, чтобы эта фраза действительно обеспечивала эксплицитное описание ситуации (В)? Самый простой ответ таков: слова *ворона*, *забор* и *сидеть на* непосредственно именуют концепты “ворона”, “забор” и “сидеть на”, которые тем самым отождествляют-

ся (\equiv) со значениями. Можно предполагать, что у ребенка при усвоении им значений новых слов именно это и происходит. Допустим, сначала он видит только заборы из штaketника. В таком случае, для слова забор схема его знака имеет вид:

- (7) имя *забор* — значение ‘забор’ \equiv концепт “забор из штaketника” — референты {картинки реальных заборов из штaketника}.

Реальные картинки (2’), связанные с концептом “забор из штaketника”, становятся **референтами** слова *забор*.

Затем ребенок расширяет свои знания о заборах (\approx вертикальных плоских препятствиях ...’). Он видит заборы из бетонных щитов, кирпича, гофрированного железа и пр. Правда, эти заборы частично различаются, причем не только своими Образами, но и Характеристиками: сквозь забор из штaketника видна внутренняя территория, через него легко перелезть, а забор из бетонных блоков полностью скрывает внутреннюю территорию, через него перелезть гораздо труднее. Тем не менее, они легко объединяются в обобщенный концепт “забор” (его Образ обобщает Образы конкретных заборов, а Характеристика — их более конкретные Характеристики). Образованию этого обобщенного концепта способствует и то, что, как видит ребенок, все эти конкретные “заборы” называются одним и тем же именем. Этот обобщенный концепт и становится теперь значением слова *забор*.

Итак, в процессе развития ребенка его поименованные базовые концепты обобщаются, и значениями слов становятся обобщенные концепты.

Получаем следующее определение:

- (8) Значение ‘забор’ (\equiv обобщенный концепт “забор”) = обобщенный Образ: «внешний вид — плоский, вертикально стоящий, протяженный предмет, высотой примерно в рост человека» \leftarrow обобщенная Характеристика: ‘сооружен человеком как препятствие для людей и животных, желающих пройти на огражденную территорию; через него можно перелезть, но его нельзя обойти’.

Это значение задает набор разных “заборов”:

- (8’) Значение ‘забор’ — {“бетонный забор”, “из досок”, “из штaketника”, ...}

Аналогично и со значением слова (имени) *ворона*. К примеру, образы белой или большой вороны схожи с обобщенным Образом концепта “ворона”, но и отличаются от него.

Наконец, значение предиката ‘СИДЕТЬ НА’ также обобщает уже рассмотренное отношение “СИДЕТЬ НА” для птицы и включает по крайней мере еще

два: “СИДЕТЬ НА” для животного и человека¹. Образная составляющая всех трех концептуальных отношений фиксирует образ живого существа X, а) контактирующего сверху с предметом Y и б) «присевшего», т. е. принявшего промежуточное (сниженное) поположение между положением стоя и лежа, а Характеристика — что а) контактируя с предметом Y, ‘X опирается на него’, и б) принятая (сниженная) поза обеспечивает X-у ‘определенную устойчивость и одновременно подвижность’. В итоге получаем, что и значение предиката (языкового отношения) — это обобщенное концептуальное отношение, задающее набор конкретных концептуальных отношений:

(8’’) Значение предиката ‘СИДЕТЬ НА’ — {“ПТИЦА СИДИТ НА”, “ЖИВОТНОЕ СИДИТ НА”, “ЧЕЛОВЕК ...”, ...}.

Конечно, в данном случае речь идет только об основном значении предиката ‘СИДЕТЬ НА’. К нему не относятся переносные значения выражений *сидеть на солнце* (загорать), *сидеть на цепи*, *сидеть на шее у родителей* и др.

Итак, в процессе развития ребенка его поименованные базовые концепты обобщаются и значениями слов становятся обобщенные концепты, т. е. концепты типа: «обобщенный прототипический Образ ← обобщенная антропоцентрическая Характеристика», см. также сноску в п. 7.

Определим теперь **схему языкового знака**. Она имеет вид:

(9) слово *забор* — значение ‘забор’ ≡ обобщенный концепт “забор” — концепты {“забор 1”, “забор 2”, ...} — референты {картинки реальных заборов}.

Обобщающая роль значения здесь очевидна: ‘забор’ охватывает класс конкретных концептов.

6. Изоморфные концептуальные ситуации. Вернемся к фразе *На заборе сидит ворона*. Из сказанного выше (значений (8’) и (8’’)) следует, что она задает не одну, а целый класс концептуальных ситуаций:

(A) “обычная ворона” — “птица СИДЕТЬ НА” — “забор из штaketника”,

(A’) “белая ворона” — “птица СИДЕТЬ НА” — “забор из бетонных щитов”, и др.

Все эти ситуации мы будем называть **изоморфными** относительно фразы *На заборе сидит ворона*, поскольку она задает их все.

¹ Мы исходим из гипотезы, что человек различает три положения живого X-а на опорной поверхности: 1) X стоит — его положение неустойчиво-подвижно (может легко начать двигаться, но и упасть на опорную поверхность, центр тяжести X-а находится высоко), 2) X лежит — устойчиво-неподвижное положение (не может упасть, но труднее начать двигаться, центр тяжести находится вблизи опорной поверхности), и 3) X сидит — промежуточное положение, т. е. довольно устойчивое и подвижное (промежуточное положение центра тяжести), ср.: ворона (человек, собака) стоит / сидит / лежит на полу (подробнее см. [Кошелев 1996: 117]).

Не следует думать, что фраза *На бетонном заборе сидит белая ворона* сужает этот класс до одной ситуации (А'). Обсуждаемый класс концептуальных ситуаций гораздо шире намеченного нами, поскольку концептов в сотни или тысячи раз больше, чем слов и значений. Так, заборы бывают высокими и низкими, новыми и старыми, крепкими и хлипкими и т. д. Ясно, что все они являются концептами.

Подобным же образом и концептуальная ситуация (А), возникнув для описания конкретной воспринятой человеком жизненной ситуации «ворона на заборе», описывает целый класс изоморфных жизненных ситуаций. Они порождаются не только объединением уже встречавшихся человеку жизненных фрагментов из классов (2')—(4'), но и новыми фрагментами, постоянно пополняющими эти классы.

7. Двуслойность концептуального мира. Схема знака (9) отражает когнитивный подход к языку. Из нее следует, что концептуальный мир носителя языка разделяется на два слоя: слой **доязыковых концептов**, непосредственно соотнесенных с его жизненным миром и дающих его первичную категоризацию — **доязыковой мир**, и слой **поименованных языковых концептов (значений)** — продуктов когнитивного развития доязыковых концептов, — **языковой мир**, задающий категоризацию уже самих доязыковых концептов. Этот языковой мир состоит из **смыслов**, т. е. языковых ситуаций.

Итак, мы видим, что в своих основных чертах (в предметах и действиях) жизненный мир оказывается внеположным языку: он формируется первичным слоем концептуального мира, возникающим до усвоения языка, а стало быть, и независимо от него. Следовательно, усваиваемый ребенком родной язык (система языковых знаков) не формирует собственной систематизации жизненного мира. Родной язык ребенка опирается на доязыковую систематизацию мира, дополняя и обогащая ее.

Из сказанного следует, что усваиваемые ребенком слова не создают свои значения, а только направляют процесс их формирования, обусловленный когнитивным развитием ребенка. Иначе говоря, язык своими значениями лишь «редактирует» развитие вторичной классификации концептов, которая протекает сама по себе, независимо от языка. Благодаря этому формирующиеся у ребенка значения обобществляются — постепенно сближаются со значениями других носителей языка¹.

¹ Поясним направляющую роль усваиваемых ребенком слов *стул*, *кресло* и *табурет* в формировании у него значений (обобщенных концептов): 'стул', 'кресло' и 'табурет'. Видя и используя различные кресла, стулья и табуреты у себя дома, в гостях, в детском саду, ребенок приписывает им антропоцентрические характеристики, имеющие как общую часть — 'на нем человек может сидеть', так и различные части: для "кресла" — 'полностью расслабившись', для "стула" — 'частично расслабившись', а для "табурета" — 'не рас-

Последующие этапы развития языковых концептов порождают все более и более абстрактные уровни языковых значений. Это приводит к появлению в жизненном мире носителя языка большого числа новых объектов уже непредметной природы, типа: удар, ветер, сторона, погода, луч, вспышка, борьба, направление и т. п. Приведем для иллюстрации два описания ситуации «забить гол», возникшей в футбольном матче.

Случайный зритель, не знающий футбола: «Один игрок *ударил* по мячу, чтобы *переправить* мяч другому игроку, тот *получил* его, *обвел* игрока противника, *побежал* с ним к воротам, *ударил*, и мяч *влетел* в ворота. Вратарь *прыгнул*, чтобы его поймать, но не успел».

Футбольный болельщик: «Полузащитник *дал точный пас* нападающему, тот обманным финтом *оставил* позади защитника, ушел в *отрыв*, с ходу нанес прицельный *удар* и — *гол*. *Бросок* вратаря безнадежно опоздал».

В первом случае описание дается в конкретных значениях типа ‘предмет’ — ‘действие’: «игрок ударил по мячу», «переправил мяч игроку, обвел игрока», «мяч влетел в ворота», «вратарь прыгнул ...». Во втором случае та же ситуация описывается, главным образом, в абстрактных значениях типа ‘объект’ — ‘событие’: «дал точный пас», «обманный финт оставил позади защитника», «ушел в отрыв», «удар», «гол», «бросок вратаря».

Важно, однако, подчеркнуть: приведенные описания вовсе не свидетельствуют о том, что случайный зритель и болельщик видят разные жизненные ситуации: «забить гол» и «забить гол». Интерпретирующие эту ситуацию доязыковые концепты — предметы и связывающие их действия (динамические отношения) — у них одни и те же. Различие начинается на уровне ее языкового осмысления и описания: случайный зритель использовал непосредственное языковое осмысление, а болельщик — более развитое.

Стало быть, в рамках когнитивного подхода известная гипотеза Сепира—Уорфа может быть принята только в следующей (слабой) версии: язык не является инструментом категоризации жизненного мира (разные языки базируются на одном и том же доязыковом слое концептуального мира), но он задает свою трактовку (классификацию) этого доязыкового слоя, а следовательно, и свой способ его описания.

8. Коммуникативная функция языка. Теперь, опираясь на схему знака (9), мы можем на примере той же фразы *На заборе сидит ворона* описать осуществляемый с ее помощью коммуникативный акт: определить те операции,

слабляясь, собранно’. Поскольку ребенок замечает, что окружающие люди называют эти предметы разными именами: *кресло*, *стул* и *табурет*, он интуитивно понимает, что эти различия значимы, и объединяет конкретные пары «образ ← интерпретация» в три общих концепта (значения), присваивая им соответствующие имена (а если ранее в его концептуальной системе это был единый концепт, то теперь он делится на три концепта).

которые его обеспечивают, и главное — указать, что именно (какая «информация») передается от говорящего к слушающему.

Говорящий при восприятии картинки «ворона на заборе»:

1) приписывает ей концептуальную ситуацию (А), выбирая подходящие концепты из своей концептуальной системы — доязыковое кодирование воспринимаемого фрагмента мира (превращение воспринятого изображения в ситуацию, или дифференцированную и осмысленную картинку жизненного мира);

2) на основе схемы знака (9) подбирает языковые значения, обобщающие элементы концептуальной ситуации (А), составляет из этих значений Смысл (Б) и воплощающую его фразу *На заборе сидит ворона* — языковое кодирование концептуальной ситуации.

Указанная последовательность операций отражается такой цепочкой:

(10) «Ворона на заборе» → Ситуация (А) → Смысл (Б) → *На заборе сидит ворона*.

Слушающий, воспринявший данную фразу,

1) на основе схемы знака (9) реконструирует ее Смысл (Б), переходит от его значений к классам концептов (8')—(8''), выбирает из них подходящие концепты и строит из них концептуальную ситуацию (А'), изоморфную ситуации (А) — концептуальное декодирование Смысла (А);

2) переходит от элементов концептуальной ситуации (А') наиболее подходящие (из контекстных соображений) к их классам реальных картинок картинок (2')—(4'), выбирает для каждого концепта подходящую картинку и составляет из них свою картинку «ворона на заборе» — реконструкция ситуации жизненного мира, изоморфной исходной ситуации говорящего (распознанной и осмысленной исходной картинке).

Получаем цепочку, обратную (10):

(10') *На заборе сидит ворона* → Смысл (Б) → Ситуация (А') → «Ворона на заборе»'.

Итак, в результате коммуникативного акта, осуществленного посредством фразы *На заборе сидит ворона*, говорящий передал фрагмент ж и з н е н н о г о м и р а : пару «ситуация жизненного мира «ворона на заборе» ← концептуальная ситуация (А)», а слушающий получил (реконструировал) изоморфный фрагмент — изоморфную, но не тождественную ему пару: «ситуация жизненного мира «ворона на заборе»' ← концептуальная ситуация (А'), см. п. 5. Итак, **коммуникативный акт** заключается в том, что говорящий передает слушающему осмысленную им картинку с точностью до изоморфизма картинок. К примеру, говорящий передал такую картинку

«ворона на заборе»: на заборе из штaketника сидит головой к нему молодая обычного вида ворона. Слушающий же мог реконструировать другую, но изоморфную картинку «ворона на заборе»: на бетонном заборе сидит хвостом к нему старая белая ворона.

9. О языковом и концептуальном мышлении. По-видимому, можно считать общепризнанным понимание процесса мышления как направленного оперирования символами. Так, например, считали и выдающийся лингвист Э. Бенвенист и выдающийся психолог Ж. Пиаже. Правда, в трактовке роли языка в мыслительном процессе их взгляды расходились. По мнению Бенвениста, язык — основной инструмент, или основная форма человеческого мышления, ср.:

Способность к символизации лежит в основе мыслительных функций. Мышление — не что иное, как способность создавать представления вещей и оперировать этими представлениями. <...> Мышление в символах и есть само мышление. <...> Способность к символизации у человека достигает своего наивысшего выражения в языке ... все другие системы коммуникации — графические, жестовые, визуальные и т. д. — производны от языка и предполагают его существование» [Бенвенист 1974: 29—30].

Языковая форма является тем самым не только условием передачи мысли, но прежде всего условием ее реализации ... Вне языка есть только неясные побуждения, волевые импульсы, выливающиеся в жесты и мимику [Бенвенист 1974: 105].

Иной точки зрения придерживался Ж. Пиаже. Он полагал, что способность мыслить начинает формироваться у ребенка до и независимо от языка. Последний лишь усиливает и развивает ее. В статье Пиаже, специально посвященной этой теме, он писал:

Наряду с языком маленькому ребенку ... необходима какая-то иная система означающих, более индивидуальных и более „мотивированных“: таковыми являются символы, самые обычные формы которых у маленького ребенка можно найти в символической игре или игре воображения. Символическая игра появляется почти одновременно с языком, но независимо от последнего и выполняет значительную роль в мышлении малышей Например ... ребенок притворяется спящим. <...> Но символическая игра — не единственная форма индивидуального символизма <...> Таким образом, мы можем принять, что существует некая символическая функция, более широкая, чем язык, охватывающая кроме системы вербальных символов, систему символов в узком смысле этого слова <...> Язык — лишь особая форма символической функции [Пиаже 1984: 326—328].

В понимании термина *символ* Пиаже (как он сам отмечает) следует Соссюру:

символы — означающие, дифференцированные от своих означаемых, но сохраняющие определенное сходство с ними, например, в символической игре хлеб представляется с помощью белого камешка, а овощи — с помощью травы [Пиаже 1986: 262].

Прежде всего, заметим, что концепты — это символы своих «картинок» жизненного мира, см. (2')—(4'), поскольку дифференцированы от последних и схожи с ними. По этим же причинам языковые значения (обобщенные концепты) являются символами конкретных концептов, которые они обобщают, см. (8')—(8''). Таким образом, в рамках когнитивного подхода к языку возможно два вида мышления: концептуальное — оперирование концептами для получения нового знания о жизненном мире, и языковое — оперирование значениями для получения нового знания о концептуальном мире.

В свете сказанного *систему доязыковых концептов можно трактовать как доязыковую моделирующую систему* — язык мысли, посредством которого формируются доязыковые концептуальные модели (ситуации) жизненного мира; совокупность таких ситуаций и составляет доязыковой слой концептуального мира, задающий дифференциацию и осмысление жизненного мира человека. *Язык (систему языковых знаков) можно трактовать как вторичную моделирующую систему*, формирующую поименованные языковые модели для ситуаций доязыкового слоя концептуального мира.

Подчеркнем: если доязыковое мышление может быть как произвольным — неподвластным контролю сознания (именно оно обеспечивает первичное осмысление младенцем воспринимаемого мира), так и произвольным — направляется человеческим рассудком, то языковое мышление, по-видимому, всегда произвольно¹.

Пример произвольного доязыкового мышления: водитель обдумывает и выбирает путь, которым он поедет домой («через центр», «по кольцу» и др.). Перебирая мысленно проблемные участки (одна дорога на каком-то участке вечером не освещена, другая — ремонтируется и имеет только одну полосу и т. д.), он их оценивает непосредственно, не прибегая к внутренней речи. Предполагая скопление машин на одной полосе дороги, водитель представляет вереницу медленно движущихся машин, никак мысленно ее не именуя (типа *пробка*, *затор*, *затруднение движения* и под.). Он мыслит концептами.

¹ Эти два вида мышления — доязыковое и языковое — сходны с двумя видами понимания, выделенными в [Демьянков 2005: 6—7]: «в речи о понимании приходится различать, как минимум, две составляющие: когнитивную — внеположную рассудку, логике, а поэтому не связанную со словом прямо, и дискурсивную — рассудочную, проясненную — насколько это возможно — в диалоге человека с самим собой или с другим человеком, а потому опосредованную словом».

Подобным же образом мыслит опытный шахматист за доской, точно так же (осмысленными картинками) мы воспринимаем и понимаем сон, который видим (пример, сообщенный мне С. А. Жигалкиным), и т. д.

Пример языкового мышления: один водитель рассказывает другому дорогу (как проехать, где повернуть и пр.). Эту дорогу он прекрасно знает и зрительно помнит. Однако он часто прерывает свой рассказ, ища подходящее слово для названия того или иного ориентира: «Справа, перед поворотом ты увидишь ... то ли сарай, то ли склад — неопределенного вида строение серого цвета с покатою крышей». Концептуальная модель дороги у него есть, а языковой модели — системы языковых значений, покрывающей эту концептуальную модель, — нет. Он ее формирует по ходу объяснения.

Пример чисто коммуникативного использования языка: тот же водитель уже не в первый раз рассказывает, как проехать к данному пункту. В этом случае у него имеется и концептуальная, и языковая модель дороги.

Вообще, доязыковое мышление гораздо более распространено, чем принято думать. Оно конкретно и наглядно, а это позволяет выявлять новое знание о ситуациях жизненного мира. Так, в последнем случае, если водитель сам едет к данному пункту, представляя ожидаемые ориентиры, слова (их имена) «выскакивают» сами собой и создается впечатление, что реализуется процесс языкового мышления. Хотя в данном случае водитель мыслит концептуально — осмысленными картинками (см. также [Пинкер 2004: 56 и сл.]).

Выражаю глубокую благодарность М. Н. Григорян и Т. В. Самариной за ценные советы.

Литература

- Бенвенист 1974** — Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Би 2004** — Х. Би. Развитие ребенка. СПб., 2004.
- Выготский 2005** — Л. С. Выготский. Психология развития ребенка. М., 2005.
- Выготский 1996** — Л. С. Выготский. Мышление и речь. М., 1996.
- Гибсон 1988** — Дж. Гибсон. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
- Гудолл 1992** — Дж. Гудолл. Шимпанзе в природе: поведение. М., 1992.
- Демьянков 2005** — В. З. Демьянков. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 3. М.; Тамбов, 2005.
- Демьянков 2007** — В. З. Демьянков. «Концепт» в философии языка и когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования: Сб. науч. тр. М., 2007. С. 26—33.
- Кибрик 2003** — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003.

- Кошелев 1996** — А. Д. Кошелев. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996. С. 82—194 (<http://www.lrc-press.ru/05.html>).
- Кошелев 2008** — А. Д. Кошелев. К описанию универсального концепта 'ОБМАН—ОБМАНУТЬ' // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией. М., 2008. С. 117—132.
- Крайг, Бокум 2007** — Г. Крайг, Д. Бокум. Психология развития. СПб., 2007.
- Кубрякова 2007** — Е. С. Кубрякова. Предисловие // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследований. М., 2007. С. 7—18.
- Мельчук 1999** — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». 2-е изд. М., 1999.
- Найсер 1981** — У. Найсер. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1981.
- Пиаже 1984** — Ж. Пиаже. Генетический аспект языка и мышления // Психолингвистика. М., 1984. С. 25—35.
- Пиаже 1999** — Ж. Пиаже. Теория Пиаже // История зарубежной психологии: Тексты. М., 1986. С. 232—292.
- Пинкер 2004** — С. Пинкер. Язык как инстинкт. М., 2004.
- Попова, Стернин 2002** — З. Д. Попова, И. А. Стернин. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002.
- Сергиенко 2006** — Е. А. Сергиенко. Раннее когнитивное развитие: уовый взгляд. М., 2006.
- Сергиенко 2008** — Е. А. Сергиенко. Когнитивное развитие довербального ребенка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008.
- Степанов 2007** — Ю. С. Степанов. Концепты: Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.
- Шэффер 2003** — Д. Шэффер. Дети и подростки: Психология развития. СПб., 2003.
- Mervis 1987** — C. B. Mervis. Child-basic object categories and early lexical development // U. Neisser (ed.). Concepts and Conceptual Development: Ecological and Intellectual Factors in Categorization. Cambridge Univ. Press., 1987. P. 201—233.
- Rakison 2000** — D. H. Rakison. When a rose is just a rose: the illusion of taxonomies in infant categorization // *Infancy*. Vol. 1, 2000. № 1. P. 77—90.